

Никитин Илья Юрьевич

- организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия),
- магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США),
- студент программы «Психоанализ» (Восточно-Европейский Институт психоанализа, Россия).

Климович Дарья Дмитриевна

- юрист,
- магистр права (Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Россия),
- студент программы «Психоанализ, психоаналитическая психотерапия и психоаналитическое консультирование» (Московский институт психоанализа, Россия).

Н.А. Кун (1877–1940), излагая миф о Кадме по поэме древнеримского поэта Публия Овидия Назона «Метаморфозы», начинает описание строками:

«Когда Зевс под видом быка похитил Европу, опечалился её отец, царь Сидона¹, Агенор². Ничто не могло его утешить. Он призвал трех сыновей своих – Фойникса, Киликса и Кадма³ – и послал их отыскивать Европу. Он запретил своим сыновьям под страхом смерти возвращаться домой без сестры⁴. Отправились сыновья Агенора на поиски. Фойникс и Киликс скоро покинули Кадма. Они основали два царства: Фойникс – Финикию⁵, Киликс – Киликию⁶ – и остались в них. Кадм один отправился дальше искать сестру» [6, с. 128].

1 Сидон – финикийский город на побережье Ливана, близ современного Бейрута.

2 Агенор – в греческой мифологии сын Посейдона и Ливии, финикийский царь, муж Телефассы.

3 Кадм – считается основателем Беотийских Фив, рядом источников называется создателем греческого алфавита на основе финикийских букв [18].

4 В изложении Овидия, наказанием сыновьям служит изгнание [11].

5 Финикия – страна на восточном побережье Средиземного моря. Крупнейшие города – Тир и Сидон.

6 Киликия – страна на юге Малой Азии.

Не сумев выполнить наказ отца и опасаясь его гнева, Кадм обращается к оракулу Аполлона в Дельфах за советом, где ему поселиться и основать город; оракул повелевает воздвигнуть город в месте, где ляжет белая никогда не клейменная корова, увиденная на пустынной поляне. Проследовав за коровой до места, где она улеглась на траву, Кадм взывает к благословлению богов и стремится принести жертвоприношение Зевсу, но обнаруживает отсутствие требуемой для ритуала воды, на поиски которой посылает своих слуг; последним удается обнаружить источник с водой в близлежащей роще, где обитает змей⁷, который растерзывает их, оцепеневших от страха перед чудовищем.

Отправившись на поиски слуг, Кадм вступает в схватку с чудовищем и одерживает над ним победу: «С изумлением глядит Кадм на сраженного им змея, дивясь его величине. – пишет Кун – Вдруг раздался неведомый голос: – Что стоишь ты, сын Агенора, и дивишься на убитого тобой змея? Скоро и на тебя, обращенного в змея, будут дивиться люди» [6, с.131], – так обратилась к Кадму Афина-Паллада, далее повелевшая вырвать зубы змея и посеять их, как семена на вспаханном поле.

Рис. 1 «Кадм убивает змея» (между 1573-1617 гг.), художник Х. Гольциус, Государственный музей искусств, Копенгаген, Дания.

7 По одной из мифологических версий, змей является сыном Марса (Ареса) [10].

Из зубов змея вырастает воинство, тотчас принимающееся за взаимное истребление, пока, по велению богини, один из пятерых оставшихся в живых воинов не бросает меч в знак примирения – эти пятеро впоследствии помогают Кадму строить город. Кадм основал процветающий город и стал одним из величайших правителей Греции, но жизнь его не сложилась: две дочери Кадма погибли, потерял он и внука. Удрученный горем, под старость лет Кадм вопрошает:

«– Не был ли тот змей, – сказал Кадм, – которого поразил я своим мечом, посвящен богам? Если за его гибель карают меня так тяжело боги, лучше бы мне самому обратиться в змея.

Только промолвил это Кадм, как тело его вытянулось и покрылось чешуей, ноги его срослись и стали длинным извивающимся змеиным хвостом. <...> Обвился вокруг своей верной жены обращенный в громадного змея Кадм, он лижет ей лицо своим раздвоенным жалом. С печалью гладит Гармония покрытую чешуей спину змея. И Гармонию боги обратили в змею, и вот уже две змеи – Гармония и Кадм.

Так закончили свою жизнь Кадм и жена его Гармония» [6, с. 131-132].

Первое и принципиально важное замечание следует сделать в отношении начала путешествия героя, а именно желания Кадма остаться на чужбине вдали от дома. Следует отметить, что данное решение против собственной воли Кадм принимает из чувства страха за свою жизнь, а именно из-за боязни вызвать недовольство отца за невыполненный наказ – неспасенную Европу (ср. «От отчизны и гнева отцова Кадм уклоняет свой путь» [11, кн. 3 ст. 5] и «<...> потеряв надежду найти сестру и опасаясь вернуться домой, решил Кадм остаться на чужбине» [6, с. 128]. Родной Кадму Сидон, как и власть его царя Агенора, в диаде формируют комплекс правил и запретов, установок и норм (отцовское имаго), невозможность нарушения которых обрушиваются на Кадма грузом чувства вины после неудачных поисков сестры, и приводят его к скитаниям вне стен отчего дома; здесь мы склонны согласиться с Ранком, заключившим, что «главным мотивом создания мифа и существенным их содержанием оказался конфликт в психической детской жизни, отношение к родителям и семье со всеми его разнообразными оттенками, <...> развитие мифических представлений в их широком объеме отражает культурную дисциплину личности в семье и семьи в роду и племени» [14, с. 34].

Не менее важным аспектом также является то, что в ходе изложения мифа не встречается ни одного упоминания о Телефассе, матери Кадма. Можно

Главным мотивом создания мифа и существенным их содержанием оказался конфликт в психической детской жизни, отношение к родителям и семье со всеми его разнообразными оттенками, развитие мифических представлений в их широком объеме отражает культурную дисциплину личности в семье и семьи в роду и племени

предположить, что женщина была настолько угнетена Агенором или безразлична к своим детям, что не защитила Европу от похищения и позволила Агенору, по сути, изгнать всех своих сыновей. В любом случае, мы можем выдвинуть мнение, что она не была «достаточно хорошей матерью» и не смогла создать для Кадма положительный образ матери, чему в последующем развитии его личного мифа предстоит сыграть свою роль.

Страх за наступление последствий нарушения запрета Агенора, выступающего в роли строгого, наказывающего суперэго, приводит Кадма к необходимости обратиться к своему бессознательному, литературным приемом поэта персонифицированному в мифе оракулом Апполона, в поисках приемлемого решения для нивелирования угрозы собственному существованию. Оракул предлагает Кадму основать город, что подменяет собой прямую конфронтацию с отцовским имаго и инициирует отыгрывание галлюцинаторного исполнения желания противостоять Агенору и устанавливать собственные правила, нормы и запреты (символическое равенство «отец = город = государство = суперэго»⁸); так, строительство города и вся логика мифоизложения, на наш взгляд, выступает опосредованным описанием соперничества Кадма с Агенором. В этом, по нашему мнению, и заключен истинный смысл мифа, его бессознательное значение, сокрытое за художественным сюжетом.

Строительство города и вся логика мифоизложения выступает опосредованным описанием соперничества Кадма с Агенором. В этом и заключен истинный смысл мифа, его бессознательное значение, сокрытое за художественным сюжетом.

Рассматривая указания оракула/бессознательного об основании города на месте возлежания неклеименной коровы, стоит отметить, что корова символически является персонификацией архетипа Матери или Матери-Земли [13, 16], материнского жизнедающего начала и плодородия [1], питающей среды [20], а также способствует превращению и возрождению [19]. По нашему мнению, неклеименность коровы как раз подчеркивает ее архетипичность: с точки зрения Юнга, сам по себе архетип лишён конкретного содержания и является формой, то есть лишь представляет собой возможность быть репрезентированным (то есть наполненным содержанием), сохраняя только заданную априори форму. Наличие у коровы клейма означало бы потерю ее архетипической сущности и превращение в отдельную персонифицированную фигуру (форму, наполненную содержанием) или в предмет чьей-либо собственности.

Бессознательное Кадма направило его к материнскому началу, обозначив, что именно через него, а не через фиксацию на архетипе Отца, он сможет достичь превращения (из изгнанного сына в самостоятельного мужчину-отца), возрождения и плодородия (новой жизни в собственном государстве). Возможно, Бессознательное указывало Кадму

Бессознательное Кадма направило его к материнскому началу, обозначив, что именно через него, а не через фиксацию на архетипе Отца, он сможет достичь превращения (из изгнанного сына в самостоятельного мужчину-отца), возрождения и плодородия (новой жизни в собственном государстве). Возможно, Бессознательное указывало Кадму

8 См. примечание О. Ранка со ссылкой на М. Мюллера: «<...> семья начала растворяться в государстве, когда король сделался для своего народа тем, чем был супруг и отец в доме: господином, сильным, защитником» [14, с. 24].

на необходимость исцеления от травмы, нанесенной ему его неучастливой матерью, и признания ценности Матери, что позволило бы ему начать новую жизнь. Однако Кадм не внял призыву своего бессознательного: обесценив материнский архетип, он захотел привычным образом воздать хвалу именно архетипу Отца (Зевсу). Таким образом, Кадм также выразил неуважение матери, ведь именно Зевс похитил его сестру Европу и стал причиной его страданий и странствий. Мы можем сделать допущение, что, если бы Кадм прислушался к своему бессознательному и следовал архетипу Матери, он бы не отправил слуг в рощу на верную смерть и сам не встретил бы змея.

Змей, препятствующий исполнению желания Кадма, является ничем иным, как плохим, внушающим страх, пенисом отца [2, 14], половой стороной мужчины, протообразом самого Агенора, фантазийно противящегося сепарации сына, что в свое время подметил Ранк:

«Так, например, когда змея символизирует фаллос, то принимается во внимание не только ее форма, способность подниматься, гладкость, гибкость, но и ее опасность и неприятность, т.е. в этом символе находят выражение не только физические свойства фаллоса⁹, но и определенное психическое отношение к нему (страх, отвращение) <...>» [14, с. 26].

Редков и Логинова выдвигают мнение, что змей в мифе – «это хранитель заветных знаний, которые доступны не каждому человеку, а лишь герою» [15, с. 31], а юнгианские аналитики склонны рассматривать змея или дракона в качестве символической репрезентации страданий за нарушение табу инцеста [21], но мы не склонны согласиться ни с одной из трактовок, отводя чудовищу роль олицетворения отцовского имago, запрещающего сыну произвести сепарационный акт (построить собственное государство). Таким образом, сражение и низложение змея – это агрессия, направленная против воли отца, кастрационный акт, конечной целью которого является отделение от Агенора.

Кадм пронзает голову змея и сразу встречает богиню Афину. Следуя логике строения мифа [5], мы должны предположить, что Афина является магическим помощником на пути героя, но существенным контраргументом к подобной трактовке выступает тот факт, что богиня является герою после сражения, а не до него (также она не предоставляет волшебных предметов для сокрушения превосходящего по силе противника); она не помогает герою в сражении на пути достижения цели, она только трактует

Змей в мифе – «это хранитель заветных знаний, которые доступны не каждому человеку, а лишь герою».

⁹ Ср. описание битвы Кадма со змеем у Н. Куна: «<...> вздулась шея змея, пена хлынула у него из пасти <...> То извивается змей громадными кольцами по земле, то, бешено крутясь, высоко вздымается вверх» [6, с. 130].

последствия его действий и предрекает наступление последствий. Мы видим, что образ Афины-Паллады в мифе персонифицирует совесть (= суперэго) Кадма, порицающую отцеубийство.

По нашему мнению, Афина-Паллада также является посланником архетипа Отца, поскольку, рожденная из головы Зевса, являясь богиней-покровительницей воинов и ремесленников, учредительницей законов, она выражает недовольство нарушением Кадмом отцовских архетипических паттернов: признания власти, социальных условностей и порядка (а порядок и правила устанавливает Отец). Не выполнив приказ Агенора найти Европу, Кадм посягнул на отцовскую власть и право устанавливать порядок, а прислушавшись к влечениям всемогущего оракула/бессознательно создать собственное государство (= занять место отца), он посягнул на власть своего родителя.

Афина сообщает Кадму, что в действительности его победа над змеем мнима («Скоро и на тебя, обращенного в змея, будут дивиться люди» [6, с.131], что раскрывается в повелении сеять в землю¹⁰ (= утроба или «первоначальная мать» [14, с. 23]) зубы (= семя) змея, тем самым восстанавливая нанесенный отцовскому имаго ущерб; так, убиенное чудовище обретает вторую жизнь, а Кадм в действительности никогда не избавляется от внутриспсихического гнета интроецированного образа отца.

Существенной деталью здесь является посвященность змея богу войны Марсу (Аресу). «Война» между отцом и сыном, с нашей точки зрения, в мифе символизирует актуализировавшийся эдипальный конфликт Кадма. Также, змей, как посвященный войне символ, живущий в роще (= бессознательном), является предупреждающим знаком его грядущего внутриспсихического конфликта. Столкновение змея и Кадма отображает эдипальный конфликт ребенка и отца, благополучное разрешение которого заключалось бы в здоровой идентификации с лучшими качествами отца, а затем – в сепарации от отца. В рассматриваемом случае сепарация не пройдена: отец вступает в борьбу с детьми как с равными, изгоняет их от матери, но Кадму все же удается вступить в схватку, победить и занять место отца. Так, богиня-совесть вместе с победой приносит Кадму и губящее его чувство вины, привязывая тем самым Кадма к отцовскому имаго, так как нарушается базовый запрет на отцеубийство [17].

После победы над отцом-змеем «посланник отцовского имаго» Афина-Паллада приказывает Кадму вырастить войско из зубов, позволяя реализовать эдипальное желание Кадма иметь детей от матери (поскольку зубы-семя принадлежат символу Отца). Битва выросшего из зубов змея воинства символизирует острую стадию внутриспсихического конфликта, спровоцированную эдипальной победой. Изначальное неучастие матери Кадма в семейной жизни и отсутствие у нее права или желания принимать решения

Сражение и низложение змея – это агрессия, направленная против воли отца, кастрационный акт, конечной целью которого является отделение от Агенора.

10 О тождестве земледельческого акта с процессом оплодотворения у человека см. Ранк, 2022.

В действительности, не боги
обращают Кадма в змея, но он сам
испрашивает этого.

в отношении сына превращают ее в объект эдипального конфликта, который не имеет права голоса, что только способствует обостренной борьбе сына с отцом. С точки зрения Агенора, это означает неприятие Телефассой истинно материнской роли, а, значит, наличие вероятно-

сти, что она не будет противиться союзу с сыном в случае его победы.

Допустимо предположить, что вина заставляет Кадма выстраивать защиту в виде идентификации с фигурой Отца целиком: и с положительными качествами правителя, и с отрицательными качествами агрессора (змея). Поскольку агрессивный заряд узурпатора-змея несет в себе больше катексиса, то и защита против него сильнее: идентификация ведет к полному обращению Кадма в змея впоследствии. Эдипальная победа является ненастоящей (как и любая победа ребенка в эдипальном конфликте), поскольку Кадм не раскрывает свою сущность, не обретает самость, а занимает чужое место, идентифицировавшись с тем, кого, как он думал, победил.

Что мы видим в развитии мифа после того, как выросшие из зубов змея воины прекращают междоусобную бойню и, оставшись в малом числе, помогают Кадму основать Кадмею, крепость, вокруг которой впоследствии появился город Фивы (Назирова, 2020)?

«Кадм основал великий город Фивы, дал гражданам законы и устроил все государство <...> С тех пор Кадм стал одним из могущественнейших царей Греции. Неисчислимы были его богатства <...> Казалось бы, вечная радость и счастье должны были царить в доме сына Агенора, но не одно счастье послали ему олимпийцы. Много горя пришлось испытать ему» [6, с. 132].

Кадм теряет сначала двоих дочерей, а затем и внука¹¹; после, раздавленный горем, он покидает Фивы и долго скитается на чужбине [6]. «Побежденный несчастьем, рядом бедствий и многих чудес, представших ему, оставляет город создатель его, как будто он града судьбою, а не своею гоним» [11, кн. 4 ст. 560-565] – указывает Овидий, что возвращает нас к ранее определенному смысловому ряду отец-город-государство-суперэго. Размышляя о своей судьбе, Кадм задается вопросом о роли змея в ней и принимает произошедшие с ним несчастья за судьбоносную кару богов, после чего самолично инициирует свое обращение в змея.

11 В браке с Гармонией у Кадма родились пятеро детей: сын Полидор и дочери Автоноя, Ино, Агава и Семела. Ино была поражена безумием по велению Геры и бросилась в море, спасая одного из своих детей от гнева мужа, где была превращена в морское божество. Семела была испепелена своим любовником Зевсом, явившимся к ней в божественном облике (Мелитинский, 1990). Внук Кадма, сын его дочери Агавы Пенфей был растерзан собственной матерью и её сестрой Автоноей, в экстатическом трансе принявшими Пенфея за льва [4, 9]; по версии Куна, растерзанным внуком был сын Автоноя Актеон, павший жертвой гнева Артемиды [6]).

Превращение Кадма
в змея образно олицетворяет
завершение интернализации
плохого пениса,
то есть идентификацию с отцом
и, образно, победу отцовского
имаго над сепарационным
устремлением Кадма.

Последний нюанс в особенности важен, если мы попробуем принять за данность неизбежность рока (убийство змея – ниспосланные бедствия – божественная расплата) – мы должны будем отметить, что, в действительности, не боги обращают Кадма в змея, но он сам испрашивает этого («лучше бы мне самому обратиться в змея» [6, с. 132]¹²). Более того, согласно одной из трактовок мифа [12], в течение жизни Кадм уже отслужил восемь лет икупительной службы у Ареса за убийство

змея и помирился с ним, женившись на его дочери Гармонии [7], следовательно, рассмотрение обращения Кадма в виде наказания противоречит смыслу божественно-человеческих отношений, *nemo debet bis puniri pro uno delicto*¹³.

После убийства змея интроецированный плохой пенис отца закрепляется внутри бессознательного Кадма, неся с собой отыгрывание сценария жизни Агенора (потери детей), ввиду страха возмездия и чувства вины за уход и отцеубийство. Следует отметить, что нередко страх может скрывать за собой тайное влечение, и на самом деле Кадм аутоагрессивно жаждал возмездия для восстановления справедливости, поэтому и действовал в рамках древнего принципа талиона, посчитав, что икупительная служба есть недостаточное наказание за отцеубийство.

Таким образом, миф циклически завершается победой Марсова змея, возрожденного через посредничество спартов¹⁴, совместно с Кадмом воздвигших Фивы, которые в конечном итоге также изгнали своего царя (как прежде Кадм с братьями был отправлен из Сидона), кто, подобно своему отцу, тоже теряет детей. Соразмерно, самоличное превращение Кадма в змея образно олицетворяет завершение интернализации плохого пениса, то есть идентификацию с отцом и, образно, победу отцовского имаго над сепарационным устремлением Кадма.

12 У Овидия восклицание Кадма выражено ещё в более явной форме: «Сам став змеем, - молю, - пусть долгим вытянусь чревом!» [11, кн. 4 ст. 570].

13 *Nemo debet bis puniri pro uno delicto* (лат.) - никто не должен дважды наказываться за одно преступление.

14 Спарты («Посеянные») – воины, родившиеся из зубов побежденного Кадмом змея [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бену А. Символизм сказок и мифов народов мира. М.: Алгоритм, 2011
2. Грюнбаум А. Критика психоанализа. Вопросы философии, 2007, № 3, сс. 105-129
3. Жестоканов С.М. Легендарная история Греции в Хронологических таблицах Евсевия Кесарийского, № 17-2, 2017, сс. 233-252.
4. Захарова Е.А. Женские преступления в древнегреческой мифологии. Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира, № 6, 2007, сс. 379-388
5. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Питер, 2023, 352 с.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Азбука-Аттикус, 2022, 512 с.
7. Мартышак Ф. Греческие и римские мифы: от Трои и Гомера до Пандоры и «Аватара». М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022, 272 с.
8. Мелитинский И.М. Мифологический словарь, М.: Советская Энциклопедия, 1990, 709 с.
9. Моргун Л. Большой мифологический словарь. Aegitas, 2015, 3199 с.
10. Назиров Р.Г. «Вечные образы» в литературе и их русские отражения. Назировский архив. № 1(27), 2020, сс. 13-79
11. Овидий. Метаморфозы. М.: Художественная литература, 1977, 480 с.
12. Пигулевская И.С. Словарь греческой мифологии. М.: Центрполиграф, 2008, 256 с.
13. Пушкина О.И. Архетип матери в мифорелигиозной картине мира восточных славян. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021, 140 с.
14. Ранк О. Миф о рождении героя. М.: Академический проект, 2022, 238 с.
15. Редков С.К., Логинова Ю.Е. Мифологические и философские смыслы гармонии. Научный поиск, № 1 (23), 2017, сс. 30-33
16. Трисидер Д. Словарь символов. М.: Гранд-Фаир, 2001, 448 с.
17. Фрейд З. Тотем и табу. Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, 2023, 352 с.
18. Щетников А.И. Теологумены арифметики. Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 3, № 1, 2009, сс. 279-335.
19. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2022, 224 с.
20. Явон С.В. Мужское и женское: символический аспект. Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, № 1 (20), 2015.
21. Mattievich E. Cadmus slays the serpent. Petropolis, RJ, 2012, pp. 1-40